



PROJECT MUSE®

В последний раз о Втором мире

И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский, М. Могильнер, А. Семенов

Ab Imperio, 4/2011, pp. 15-20 (Article)

Published by Ab Imperio

DOI: <https://doi.org/10.1353/imp.2011.0014>



➔ *For additional information about this article*

<https://muse.jhu.edu/article/467000>

ОТ РЕДАКЦИИ

В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ О ВТОРОМ МИРЕ

Настоящий номер *AI*, озаглавленный “Второй мир между сравнительной и глобальной историями”, выводит разговор, который мы вели на протяжении всего 2011 года, на новый уровень: в чем состоит польза изучения Второго мира для других регионов и эпох (и есть ли она вообще)? Существует ли возможность концептуализировать мир как целое, избегая обращения не только к понятию Второго мира, но также Первого и Третьего миров? Что мы узнаем о субъектности Второго мира посредством сравнения, и какими, собственно, должны быть единицы сравнения, чтобы вся эта процедура имела смысл?

Почти восемьдесят лет назад Роман Якобсон, один из основателей славянских исследований на Западе, представил Второй мир – Евразию – как пространство модернистского экспериментирования и научных инноваций. В отличие от коллег-евразийцев, Якобсон не интересовался утопическими политическими проектами “содружества народов” под сильной государственной властью. Скорее его занимал сам процесс изучения Евразии как потенциально развенчивающий “старые понятия расы и касты” с помощью “новых идей национальности и класса”. Из подобной трактовки Евразии для Якобсона вытекала закономерность наступления эпохи конструктивизма и появления таких новых научных парадигм, как набиравший силу структурализм.¹ Уже в этой

¹ Roman Jakobson. Über die heutigen Voraussetzungen der russischen Slavistik // Slavische Rundschau. 1929. No. 1. S. 629-646; Роман Якобсон. К характеристике евразийского языкового союза. Прага, 1930. С. 3-5.

якобсоновской интерпретации Евразии содержалось напряжение между воображаемой, дискурсивной природой феномена “Второго мира” и пространством исторического опыта XX века, в который обычно его помещают.

Обращаясь непосредственно к этой традиции восприятия Евразии как Второго – особого, гибридного и динамичного – мира, мы открываем рубрику “Методология и теория” русским переводом текста обращения Брюса Гранта, президента Ассоциации славянских, восточно-европейских и евразийских исследований (ASEEES) к участникам ежегодной конференции ASEEES, состоявшейся в ноябре 2011 года в Вашингтоне. *Ab Imperio* традиционно публикует программные обращения президентов крупнейшей профессиональной ассоциации экспертов по странам бывшего Второго мира. Нынешняя публикация происходит на фоне все еще не улегшихся дискуссий о недавней смене названия ассоциации, известной ранее как Американская ассоциация содействия славянским исследованиям (AAASS). Смена названия понадобилась ассоциации для того, чтобы более адекватно представить сложносоставный объект изучения ее многочисленных членов. Оказалось, что с уходом понятия “Второй мир” двадцать лет назад не нашлось другой концепции, способной обосновать столь фундаментальную близость интересов специалистов по Монголии, Венгрии, Средней Азии, Украине или России, чтобы объединить их в общей профессиональной ассоциации. В своем эмоциональном евразийском “манифесте” (“Мы все евразийские”) Брюс Грант предлагает *raison d'être* для подобного объединения: вместо принципа близости территориальной специализации он говорит об общности особого “евразийского” восприятия мира. В его интерпретации “Евразия” – это метафора состояния фундаментальной гибридности и взаимозависимости, самопровозглашенной инаковости и открытости различному опыту, отрицания жестких схем провинциализации, маргинализации и дискурсивного подчинения. “Евразия” Гранта предполагает глобальный и сравнительный исследовательский подход, близкий тому, что демонстрировали авторы *AI* в 2011 году. Они работали с метафорой Второго мира как пространства, идентичность которого формируется в сложных синхронных отношениях с нормативными Первым и Третьим мирами и со всем спектром ассоциирующихся с этой бинарной оппозицией идеологических, культурных, экономических и политических дихотомий. Президентское обращение Гранта созвучно этому видению Второго мира как сложного (“имперского”) пространства, в котором идентичности сопротивляются одномерному

описанию, открывая перспективы исторического изучения опыта разнообразия за границами собственно Второго мира.

Как бы отвечая на призыв Гранта, интеллектуально стимулирующее и смелое эссе Алессандро Станциани “Взаимное сравнение и история: некоторые предложения, подсказанные изучением российского материала” переносит обсуждение этой проблемы на уровень методологии исторического сравнения. Станциани сам воплощает “евразийство” в грантовском понимании: этот продуктивный итальянский историк работает во Франции и специализируется в области российской, европейской, а теперь еще и мировой истории. Он предлагает модель взаимного сравнения, которая не рассматривает в качестве нормативного опыт ни одной из сравниваемых сторон. Вместо “реабилитации” российской и советской истории путем выявления параллелей с “нормативным” историческим процессом на Западе, Станциани делает обратное: он демонстрирует, как “особенности” и “специфические черты” российского общества и экономики в прошлом помогают понять сложность и разнообразие европейской истории. Иными словами, критично и серьезно оценивая специфику Второго мира, Станциани проблематизирует само существование единого и унифицированного Первого мира. Парадоксальным образом, понимание “единства” мировой истории возникает из релятивизации идеи некоего магистрального, телеологического пути исторического развития. Подход Станциани вскрывает и ошибочность привычного отождествления Второго мира с советским экспериментом, поскольку при таком отождествлении игнорируется предыдущее многообразие траекторий экономического и социального развития в Евразии.

В рубрике “История” эти тезисы получают развитие на уровне конкретных, но очень показательных сюжетов. В статье Ча Инь Сю “Железнодорожная технократия, экстерриториальность и имперские *lieux de mémoire* в Маньчжурии российских эмигрантов. 1920–1930-е годы” Северная Маньчжурия первых десятилетий XX века предстает как пространство соревнующихся и в равной степени “не западных” сценариев модерности – имперского российского, националистического китайского и колониального японского. Их взаимные проекции и конкуренция оказываются центральными в турбулентной истории региона.

За статьей Сю следует блок материалов, посвященных проблеме многоаспектного интеркультурного диалога между советским “Вторым миром” и Ближним Востоком: статья Тимоти Нунана “Новое знакомство с ‘мусульманами СССР’: демонстрация советского ислама

в Турции и Иране, 1978–1982”; статья Маши Кирасировой “‘Сыновья мусульман в Москве’: советские среднеазиатские посредники для зарубежного востока, 1955–1962” и статья Элизабет Бишоп “Локальное и глобальное: иракская революция 1958 года между западной и советской модерностями”. Все авторы анализируют динамику советских попыток привлечь на свою сторону часть мира, традиционно игравшую роль западного “другого”. Хотя советская версия модерности могла казаться привлекательной арабским и мусульманским интеллектуалам (и, как показывает Нунан, Советский Союз прилагал немалые усилия для демонстрации своей способности разрешить проблемы Третьего мира), авторы перечисленных статей подчеркивают, что советская игра на Ближнем Востоке не была простым воспроизводством отношений Первого и Третьего миров. Советская саморепрезентация и советский образ “Востока” определялись в том числе и посредниками из числа советских мусульман, которые порой манипулировали элитой в Москве. С другой стороны, ближневосточные партнеры СССР, такие, например, как иракские коммунисты, далеко не всегда проявляли желание воспроизводить советские практики и идеи у себя на родине.

Следующая тематическая подсекция исторической рубрики представлена статьями Дитриха Байрау “Выходцы из советского инкубатора: советская гегемония и социалистической строй в Центрально-Восточной Европе” и Ольги Смоляк “Сделай сам. Несколько замечаний о комфорте и изобретательности советского человека в 1960-е годы”. В то время как Байрау демонстрирует определенную рациональность за репрессивными и приспособленческими механизмами советского доминирования, выявляя местные логики и множественные факторы, способствовавшие успешному воплощению проекта советской модерности в Центрально-Восточной Европе, Смоляк усложняет наше понимание самой этой модерности. Рассуждая в логике Алессандро Станциани, она релятивизирует понятие комфорта как ключевой концепции “первомирной” модерности и анализирует советские практики создания комфортной жизни в рамках этой открытой аналитической модели.

Становится понятным, что не хронологический период (скажем, 1945–1989 гг.) и не местоположение (на восток от Эльбы и на север от Гималаев) заставляют выделять то или иное общество как “Второй мир”. Скорее причиной инаковости является социальная система (или, по крайней мере, социальное воображение), которая заявляет себя в качестве альтернативного субъекта производства знания и публичных

дискурсов об исторических процессах, бросая вызов гегемонии сложной и многогранной “западной” культурной и политической модели. Элементы этой социальной системы (или социального воображения) можно обнаружить как до, так и после общепринятых хронологических границ Второго мира, что прекрасно иллюстрирует статья Михаила Суслова в рубрике “Новейшие мифологии” (“По ту сторону империи: Пространственные конфигурации идентичностей в российских литературных утопиях рубежа XIX–XX вв.”). Выход за верхний предел хронологии Второго мира осуществляет Елена Гапова в статье “Национальное знание и международное признание: постсоветская академия в борьбе за символические рынки” (рубрика “Антропология, политология и социология”). Эти статьи очень разные, однако каждая по-своему ставит вопрос о тупиковости сознательного проекта Второго мира, т.е. о бесплодности попыток противопоставления некой местной идеосинкретической традиции глобальному опыту модерности. Причину этой бесплодности следует искать не в изначальной слабости различных проектов Второго мира, но в отсутствии самого гомогенного Первого мира.

Статья Патрика Бабирацкого в историографической рубрике (“Интерфейс для Советского блока: новая литература и парадигмы”) развивает этот тезис, обращаясь к последним работам историков и социологов, переосмысливающих опыт Второго мира в сравнительной или даже транснациональной перспективе. Бабирацкий предлагает комплексное понимание парадигмы советизации (в Восточной Европе), в основе которого восприятие Второго мира как пространства соревнования различных моделей развития. Подобный подход позволяет выделять и учитывать реальный исторический опыт циркуляции в пространстве людей, идей и материальных объектов.

Другая публикация в той же рубрике, статья Геннадия Королева “Изобретая украинскую революцию 1917–1921 гг.” демонстрирует, как конструирование исторического события в оппозиции к нормативному Первому миру (“второмирная” революция) может быть сознательной стратегией утверждения собственной эксклюзивности, служа конкретной политической цели.

Таким образом, статьи номера вносят существенные коррективы в представления об “альтернативных модерностях”. Глядя ли из новой “евразийской перспективы” или применяя метод взаимного сравнения, мы так или иначе приходим к общим критериям социально-политических перемен: экономическое процветание, увеличение комфорта,

справедливости, расширение возможностей для творчества и т.д. Эти условия недостижимы посредством таких “альтернатив”, как принудительный труд или промывание мозгов населения государством. В то же время никто не владеет монополией на единственно верный рецепт достижения идеального состояния. Хотя история доказала, что Второй мир – это утопический проект, неспособный поддерживать собственное существование и неэффективный в достижении им же провозглашенных целей, мы нуждаемся в аналитической модели и языке описания Второго мира. Только с их помощью мы сможем идентифицировать и осмыслить различные исторические стратегии и опыт, которые – рассматриваемые вместе или в сравнении – производят не иерархии, но более сложные модели развития в прошлом, в настоящем и в будущем. Нам кажется, что разговор о Втором мире не потеряет своей актуальности, по крайней мере, до тех пор, пока разнообразные общества будут сталкиваться с глобальными вызовами модерности.

Редакция Ab Imperio:

И. Герасимов
С. Глебов
А. Каплуновский
М. Могильнер
А. Семенов